

Напряжение между соперниками сгустилось так, что его можно было резать ножом. Молоденький аптекарский ученик, выбежавший кликать очередь, так и застыл на пороге. Впрочем, малый быстро опомнился: юрко протиснувшись вперед, он заискивающе улыбнулся Фан Чжуншаню:

— Господин Фан, ваш черед! Ступайте скорее, божественный лекарь Цай уже заждался.

Услышав это, Цзян Жан мгновенно позабыл о существовании Цзян Жэньюя. Он испуганно охнул и затрепетал всем телом, будто самому предстояло держать ответ перед строгим экзаменатором. Сяо Шуаньэр изо всех сил сжал кулачки, смешно погрозил невидимому врагу в воздухе и звонко выпалил:

— Старший брат Чжуншань, давай! Покажи им всем!

Фан Чжуншань невольно рассмеялся, глядя на эту ребяческую воинственность. Тяжесть, набежавшая на душу после встречи с Цзян Жэньюем, мигом рассеялась. Он повернулся к смышленому ученику и негромко попросил:

— Мой суженый до смерти боится собак. Будь добр, пригляди тут за ним, пока меня не будет.

Слово «собака» он выделил особо, при этом одарив Цзян Жэньюя столь презрительным взглядом, что у того от ярости кровь прилила к лицу, а в глазах потемнело.

Фан Чжуншань был другом уважаемого старца Е, а значит, и в лавке к нему относились как к почетному гостю. Ученик мгновенно уловил намек и весело отозвался:

— Будет сделано! Ступайте спокойно на испытание, уж вашего суженого я уберегу в лучшем виде.

Аптека Ветра и Облаков делилась на две половины: просторную лавку впереди, где шла бойкая торговля, и тихий, ухоженный задний двор, усаженный редкими лекарственными травами.

Вслед за мальчишкой Фан Чжуншань скользнул за бамбуковую занавесь. Остальные четверо из шестой группы уже ждали у двери. Все они, как на подбор, оказались совсем еще молодыми ханыцзы.

Поскольку знакомы они не были, парни лишь мельком оглядели вошедшего и снова умолкли. Один из них, судя по всему, малый нетерпеливый и вспыльчивый, раздраженно буркнул провожатому:

— Что вы там телитесь? Только время драгоценное тратим! Веди уже на экзамен!

Мальчик-помощник, несмотря на невеликий возраст, обладал завидным терпением. Он лишь примирительно улыбнулся и повел пятерку по извилистой крытой галерее. Наконец они остановились перед тяжелыми деревянными створками.

— Божественный лекарь Цай ждет вас внутри, — вежливо поклонился ученик. — Желаю каждому из вас удачи и благоволения судьбы.

Нетерпеливый ханьцзы пренебрег вежливостью и тут же трижды требовательно постучал. Из-за двери донесся густой мужской голос:

— Войдите.

Дверь распахнулась. Сколько бы юноши ни пытались сохранять хладнокровие, перед лицом решающего испытания их обуял трепет. Стараясь не шуметь, они гуськом скользнули в комнату, шумно и прерывисто дыша. Фан Чжуншань замыкал шествие.

В просторном покое царил строгий порядок. Посреди комнаты тянулся длинный стол, уставленный чашами с разнообразным сушеным и свежим зельем. На краю столешницы теснились небольшие деревянные шкатулки. Сколоченные наглухо, они имели лишь узкие прорезы в крышках — с первого взгляда и не угадаешь, для чего они предназначались.

Перед столом высилось плетеное кресло из ротанга, в котором степенно восседал сам Цай Сюань. Несмотря на то что лекарю перевалило за шестой десяток, благодаря глубоким познаниям в искусстве продления жизни выглядел он на редкость бодрым и крепким. Старец неторопливо поднял голову и окинул вошедших цепким, оценивающим взглядом.

Помощник лекаря проворно шагнул вперед и велел соискателям выстроиться в ряд перед столом. Когда все замерли на своих местах, хранивший молчание Цай Сюань неторопливо произнес:

— Перед вами две задачи. Тот, кто даст больше верных ответов, займет верхнюю строчку в списке. Когда испытание пройдут все группы, я выберу лучшего себе в ученики. А если кто выкажет истинный природный дар, то, возможно, со временем удостоится чести стать моим преемником и личным учеником.

Эти будничные слова заставили сердца молодых ханьцзы забиться втрое быстрее. Хотя у Цай Сюаня и был на редкость причудливый нрав, во всем Городе Процветающего Ян его знали как непревзойденного мастера врачевания. Поговаривали, что с его глубокими познаниями и связями он без труда занял бы почетное место среди придворных лекарей в самой столице Страны Великого Спокойствия. Стать его преемником означало раз и навсегда обеспечить себе безбедное и почетное будущее.

Помощник раздал каждому по листу тонкой бумаги. Развернув свой, Фан Чжуншань пробежал глазами две короткие строчки: «Первое испытание: распознать травы — чем больше, тем

лучше. Второе испытание: определить снадобье по запаху».

Распознавание трав — азбука любого уважающего себя травника, дело привычное и простое.

— На столе разложено не менее полусотни видов лекарственных растений, — пояснил помощник. — Вы вольны разглядывать их, трогать и даже пробовать на вкус. Впишите названия в свитки. Кто за отведенное время назовет больше всего трав без ошибок, тот и победил.

Куда сложнее обстояло дело со вторым заданием. В каждом из заколоченных ларцов таился редкий корешок или редкая сушеная трава. Испытуемым дозволялось лишь вдыхать аромат сквозь узкую щель в крышке, силясь угадать скрытое внутри сокровище.

Обычно лекари и сборщики определяют растения по стеблю, листьям, цветам и местам их произрастания. Пытаться же узнать их по одному лишь летучему запаху — задача поистине каторжная. Для изнеженных городских юношей, привыкших изучать ремесло лишь по книжным картинкам и никогда не сбивавших ноги на горных кручах, это испытание грозило стать непреодолимой преградой.

Заметив, как побледнели и вытянулись лица претендентов, Цай Сюань хмыкнул с явным удовольствием и небрежно бросил:

— Время пошло. Или вы намерены стоять истуканами до самого заката?

Слова наставника вывели юношей из оцепенения. Суетливо толкаясь локтями, они гурьбой кинулись к столу, лихорадочно хватая плоски с сухими листьями.

Фан Чжуншань опасался, что взбалмошный старик выдумает нечто совершенно невообразимое, однако задания оказались вполне земными. В своде законов Страны Великого Спокойствия крылось одно весьма любопытное правило: несовершеннолетним ханьцзы строго настрого запрещалось соваться в горы.

Глухие дебри кишели ядовитыми гадами и свирепыми хищниками, а неоперившиеся юнцы, обделенные умом и силой, вечно лезли на рожон. После того как в горах сгинул не один десяток безрассудных мальчишек, власти ввели этот строгий запрет. Даже отпрыски потомственных травников получали дозволение сопровождать отцов на лесных тропах лишь после того, как входили в пору зрелости.

Большинство же собравшихся здесь соискателей едва перешагнули порог совершеннолетия и в настоящем лесу не бывали ни разу. Все их познания сводились к беглому зазубриванию пыльных манускриптов да разглядыванию домашних запасов. Они хватали вершки знаний, не понимая сути. Неудивительно, что теперь, оказавшись перед изобилием незнакомых корней, они совершенно растерялись.

Нынешней плоти Фан Чжуншаня едва исполнилось двадцать лет, однако его прошлая душа прожила все двадцать четыре года, из которых четыре он провел, промышляя сбором лекарственных трав в глухих, непроходимых лесах. Одного беглого взгляда на стол хватило, чтобы вернуть ему абсолютное хладнокровие. Большинство разложенных растений были его старыми знакомыми; многие он самолично выкапывал на крутых склонах и сдавал перекупщикам за звонкую монету.

Цай Сюань заметил вошедшего последним юношу еще у порога. Тот самый Фан Чжуншань, о котором ему все уши прожужжал старец Е. Старый приятель расписывал достоинства парня столь усердно, что пророчил ему славу великого целителя. Цай Сюань тогда лишь скептически хмыкнул и пропустил похвалу мимо ушей, но настойчивость друга сделала свое дело — лекарь невольно принялся следить за каждым движением этого соискателя.

«А он на диво крепок духом», — мысленно отметил старец.

Пока остальные четверо, пихаясь, пытались занять место поудобнее, Фан Чжуншань даже не подумал лезть в драку. Он стоял чуть в стороне, невозмутимо и внимательно разглядывая лежащие перед ним образцы один за другим.

«Трава Жаркого Месяца — умиряет кашель, исцеляет легкие; лекарственный ревень — очищает кровь, восстанавливает ци; Трава Второстепенного Аромата — утишает жажду, возвращает силы...» — мысленно перечислял он, выводя иероглиф за иероглифом.

Сейчас Фан Чжуншань благословлял безвестного учителя из сельской школы, у которого учился прежний хозяин этого тела. Пусть глубоких наук тот не постиг, но кисть держать умел крепко. Чистый лист стремительно заплывал его размашистым, корявым почерком. Когда время подошло к концу, Чжуншань бегло пересчитал написанное: сорок одно лекарственное средство с точным описанием целебных свойств.

Оставшиеся травы, по-видимому, росли лишь в отдаленных уголках Страны Великого Спокойствия. О них не упоминалось даже в редких трактатах старца Е, а потому Фан Чжуншань безжалостно их пропустил — негоже тратить драгоценные мгновения на гадание.

Стоило времени истечь, как помощник проворно забрал исписанные листы. С первой частью испытания юноши худо-бедно справились: пусть и со скрипом, но школьные заготовки помогли им вспомнить десяток-другой названий. Но стоило перед ними выстроить глухие деревянные коробки, как лица соискателей исказила всеобщая скорбь. Они утыкались носами в прорези, судорожно втягивали воздух, но лишь безнадежно хмурились.

— Да разве так угадаешь? — сердито забормотал один.

— Сделка с нечистым, не иначе! — поддержал другой. — Да они же все пахнут одинаково — сухой трухой и горечью!

— Мы вам что, гончие псы, чтобы по следу идти? Да ни один живой человек в здравом уме не разберет этот дух! Это издевательство!

Песок в часах неумолимо таял. Юноши, так и не учувшие разницы, окончательно потеряли самообладание. Тот самый задиристый ханьцзы с силой швырнул шкатулку обратно на стол и грязно выругался.

Фан Чжуншань не обращал внимания на чужой гнев. Спокойно, без лишней суеты он переходил от одного ларца к другому. Распознавать лекарственное сырье по запаху — наука тонкая, но для того, кто годами жил дарами леса, вполне доступная. Нужно лишь уметь слушать. Каждое растение дышало по-своему: одно отдавало болотной тиной и речной сыростью, другое кололо ноздри сухой, жгучей остротой, третье обволакивало приторной, тяжелой сладостью.

Для Чжуншаня эти ароматы не были безликими. В их тончайших оттенках крылась сама суть каждого корня. Не прошло и четверти часа, как он перенес на бумагу названия всех знакомых ему снадобий.

Помощник первым забрал лист Фан Чжуншаня и почтительно передал наставнику. Цай Сюань развернул бумагу, прищурился, вчитываясь в неровные строки, и удивленно вскинул брови. Оглядев юношу с ног до головы, он одобрительно хмыкнул:

— Травы ты знаешь отменно, тут не поспоришь. Но вот почерк у тебя — сушная куриная лапа. Стыдоба.

Прежде чем Чжуншань успел смущенно оправдаться, лекарь лениво поднялся с кресла и прикрикнул на остальных соискателей, судорожно вцепившихся в свои столы:

— Все, время вышло! Сдавайте свитки и свободны.

После чего повернулся к Фан Чжуншаню и с многозначительной усмешкой добавил:

— Иди на улицу. Результаты объявим ближе к вечеру.

<http://bllate.org/book/19394/1988358>